Археологические свидетельства киданьских традиций в культуре чжурчжэней

Елена Валентиновна Асташенкова,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: astashenkova@mail.ru

Александр Львович Ивлиев,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: ivliev@mail.primorye.ru

Формирование чжурчжэней как этноса и их дальнейшее развитие происходило под постоянным влиянием киданьской империи Ляо. Завоевав огромные пространства бывшей империи киданей, империя Цзинь (1115—1234) получила в наследство полиэтничное население с богатой культурой, общий облик которой определялся предпочтениями бывших хозяев — киданей. Ляоское влияние на чжурчжэней и Цзинь проявлялось в политической, экономической и культурной сферах и нашло отражение как в письменных, так и в археологических источниках. В данной работе рассмотрены археологические свидетельства контактов между культурами киданей и чжурчжэней. Это позволяет проследить их в тех областях культуры, которые, как правило, не затрагивались письменными источниками. Контакты прослеживаются в традициях гончарства, градостроительства, архитектуры, вооружения, в предметах быта и декоративно-прикладного искусства: бронзовых зеркалах, миниатюрной скульптуре из камня. Часть характерных для культуры Ляо и киданей предметов просто сохранялись у чжурчжэней, однако другая часть представляет собой дальнейшее творческое развитие заимствованных образцов. К сожалению, современное состояние имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов не позволяет в полной мере решать вопросы характера отмечаемых контактов: было ли это просто использование сохранившихся от Ляо предметов, их копирование либо дальнейшая творческая разработка на основе ляоских образцов. Такие вопросы будут решаться по мере накопления новых материалов. Задача авторов данной работы — указать на наличие самих контактов.

Ключевые слова: империя Ляо, империя Цзинь, чжурчжэни, кидани, материальная культура, архитектура, декоративно-прикладное искусство.

Archaeological evidences of Kitan traditions in the culture of Jurchens.

Yelena Astashenkova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: astashenkova@mail.ru. Aleksandr Ivliev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: ivliev@mail.primorye.ru.

The process of formation and development of the Jurchens was under the permanent influence of the Kitan Liao Empire. After the conquest of vast areas of the former Kitan Empire, the Jin Empire (1115—1234) inherited the polyethnic population with a rich culture which image was determined by preferences of its former masters — the Kitan people. The Liao influence on the Jurchens and the Jin appeared in political, economic and cultural spheres and it was reflected in both historical records and archaeological materials. This paper examines the archaeological evidence of contacts between the Kitan and the Jurchen cultures. It allows retracing them in such spheres of culture which were usually not mentioned in written sources. The contacts are traced in pottery traditions, town planning, architecture, armament, in items of everyday life and objects of decorative and applied art: bronze mirrors and miniature stone sculptures. One part of the items specific for the Kitan and the Liao culture were simply preserved by the Jurchens, but another part represents further creative development of adopted samples. Unfortunately, the current state of the available archaeological materials doesn't allow solving questions about the types of selected contacts: whether it was just the use of the Liao items, their imitation or further creative development based on the Liao samples. Such questions will be clarified with the help of new data. The goal of the authors is to show the availability of the contacts.

Keywords: Liao Empire, Jin Empire, Jurchens, Kitans, material culture, architecture, decorative and applied art.

журчжэни ещё со времён своих предков — племён мохэ — находились в контакте с кочевым миром. На найденной в Монголии эпитафии уйгурского вождя Иту племени Пугу есть сообщение о том, что он ходил военным походом на «моцзе» [17, с. 98]. В 731 г. делегация Мохэ (так изначально назывался Бохай) прибыла на похороны вождя Тюркского каганата [14], а в первые годы существования Бохая его правители выражали покорность тюркам, призывая прислать к ним тюркского наместника.

Империя монголоязычных кочевников киданей играла значительную роль в судьбах народов Восточной Азии. Государство чжурчжэней не стало исключением. Процесс его сложения и развития происходил под постоянным влиянием Ляо (рис. 1). Это проявлялось в политической, экономической и культурной сферах. Чжурчжэни несколько раз в году отправляли в Ляо посольства с данью. По требованию киданей жившие в долине Ашихэ чжурчжэни были вынуждены совершать военные экспедиции в земли племён уго за охотничьими соколами и обслуживать

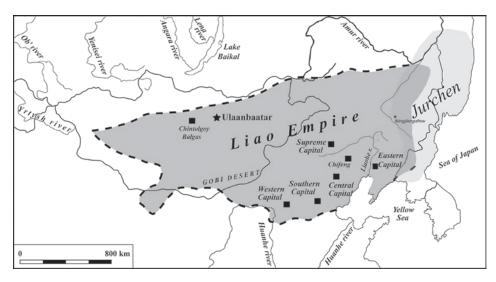

Рис. 1. Границы империи Ляо и территория обитания чжурчжэней в начале XII в.

ляоских посланников, следовавших по «соколиной дороге» в низовья Сунгари. Кидани направляли в некоторые племена своих генералгубернаторов для осуществления непосредственного управления. Так, в 40-х гг. XI в. киданьский генерал-губернатор назначался в племена уго в нижнем течении Сунгари. Именно империя Ляо служила образцом для новой династии Цзинь [11, с. 59]. На начальном этапе, до второй половины 20-х гг. XII в., в Золотой империи было сохранено ляоское административно-территориальное деление, чжурчжэни следовали ляоской дуалистической системе управления, при которой бывшие ляоские китайцы, в отличие от остального населения, управлялись традиционными китайскими методами, при этом на службе широко использовались бывшие ляоские чиновники [2]. Большое культурное и идеологическое влияние на чжурчжэней оказывало регулярное пребывание представителей чжурчжэньской знати в составе посольств при ляоском дворе. Даже после роковой размолвки ляоского императора Тянь-цзо и чжурчжэньского общеплеменного вождя Агуды во время праздника Первой рыбы в 1112 г. младшие братья последнего, как в прежние годы, сопровождали императора киданей на охоте [9, с. 12]. Проводниками ляоского влияния были и ляоские перебежчики [11, с. 59]. В частности, под влиянием ляоского чиновника бохайца Ян Пу, перешедшего на службу к чжурчжэням, Агуда в 1115 г. объявил себя императором и просил инвеституру на правление у Ляо.

Вместе с развитыми торгово-данническими отношениями по Сунгари и Амуру распространялось и ляоское влияние [11, с. 58]. Киданьские купцы беспрепятственно торговали в землях покорных чжурчжэней, а с непокорными торговля осуществлялась через пограничные крепости, в частности через Нинцзянчжоу [9, с. 11].

Киданьское влияние распространялось и на другие сферы жизнедеятельности чжурчжэней. Например, кидани занимали ведущее место в скотоводстве империи Цзинь. А чжурчжэньская письменность была создана на основе письма киданей, о чём свидетельствуют как сильное графическое сходство между ними, так и письменные источники.

В данной работе поставлена цель проследить связи между культурами скотоводов-кочевников киданей и земледельцев-охотников чжурчжэней на основании археологических материалов.

ГОНЧАРСТВО

Ляоское гончарство послужило базой для развития цзиньского. Глиняные горшки, вазовидные сосуды, корчаги и тазы позднего периода Ляо весьма близки к тем, что встречаются на чжурчжэньских памятниках Приморья XII — начала XIII в. В значительной степени это связано с тем, что на завоёванных чжурчжэнями ляоских территориях Северного Китая работали те же самые гончары. Однако и в изначально принадлежавших чжурчжэням землях ещё на заре образования государства была керамика, сходная с ляоской. Так, в покровской культуре IX—XIII вв. и в раннецзиньском могильнике близ Харбина встречаются характерные для Ляо предметы [11, с. 58; 38]. Появившийся у киданей в IX в. дольчатый декор сосудов был творчески заимствован тунгусоязычным населением Приамурья и Приморья, при этом появились новые формы изделий и изменились зоны нанесения орнамента на них [6; 10, с. 110—111].

Ляоские мастерские в Гангуаньтунь Ляояна, производившие фарфоровую и глазурованную посуду, работали и при следующей династии. Расположенные неподалёку от них мастерские в Дагуаньтунь Фушуни, датируемые временем Золотой Империи, однотипны ляоянским. В первые десятилетия чжурчжэньской империи эти мастерские составляли основу цзиньского фарфороделательного ремесла. У чжурчжэней продолжали бытовать некоторые формы ляоской посуды — бутыли в форме куриной ножки, фарфоровые винные кувшины поздних ляоских форм [15, с. 223].

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

После разгрома империи Ляо чжурчжэни захватили все её столицы и какое-то время использовали их в качестве своих [3, с. 76]. Неудивительно, что на основе киданьских городов в XII в. в Маньчжурии и Приморье сформировался чжурчжэньский тип равнинного городища. Ляоские городища имели строгие геометрические формы валов, фронтальные и угловые башни, чёткую планировку по линии север-юг с делением на кварталы, идущие от ворот улицами. Примером служат планы киданьских

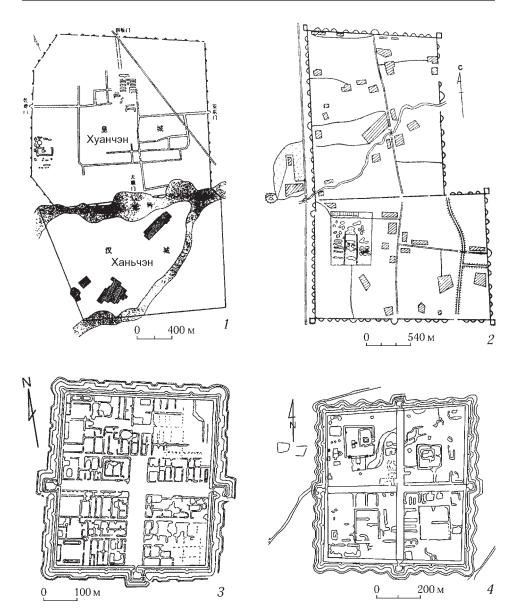

Рис. 2. 1 — план городища Линьхуанфу (Верхняя столица Ляо) [15, с. 66, рис. 2: 2]; 2 — план городища Байчэн (Верхняя столица Цзинь) [35, с. 86]; 3 — план городища Улан-хэрэм (Ляо) [13, с. 24]; 4 — план городища Харбухын-балгас (Ляо) [15, с. 69, рис. 3: 6]

городищ Хэрмэн-дэнж, Улан-хэрэм, Чинтолгой-балгас и др. (рис. 2:3,4). Подобную ляоской строгую планировку и похожую, но более развитую фортификацию можно наблюдать на цзиньских городищах Таху, Бали, Байчэн (Верхняя столица), Чугуевское и др. [7, с. 150] (рис. 3:1,2). Верхняя столица Ляо Линьхуанфу послужила образцом для строительства Верхней столицы Цзинь — городища Байчэн в Ачэне провинции Хэйлунцзян (рис. 2:1,2). При этом в его строительстве принимали участие

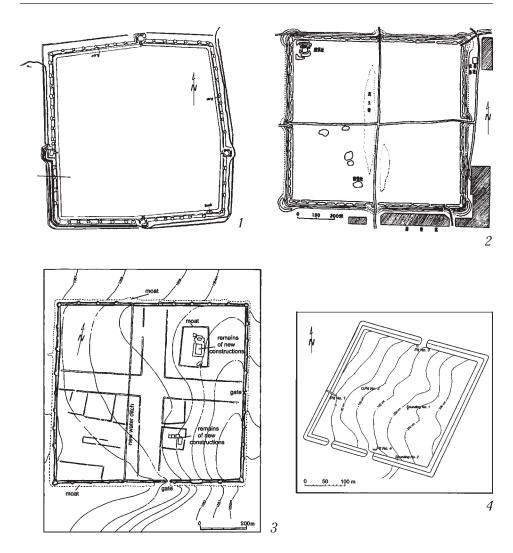

Рис. З. 1- план Чугуевского городища (Цзинь) (по Ф.Ф. Буссе, 1887 г.); 2- план городища Тахучэн (Цзинь) [32, с. 72]. 3- план городища Баруун-хэрэм (Ляо) [30, с. 11]; 4- план городища Эмгэнтийн-хэрэм (Ляо)

мастера из Линьхуана, то есть Верхней столицы Ляо. Оба городища имеют деление на северный и южный города. Как отмечает Дун Синьлинь, сво-им делением на северный и южный города столица киданей задала образец, которому следовали столичные города на севере Китая, в частности Пекин при минской и цинской династиях [5].

В описании цзиньской Верхней столицы китайским путешественником Сюй Канцзуном упоминается о том, что послы, зайдя в императорский город, увидели к западу четыре войлочных шатра [3, с. 73]. Археологические раскопки на территории крепостей возле пограничного вала империи Цзинь выявили круглые основания из утрамбованной земли, диаметром 4—6 м. Стены зафиксированы не были, обнаружены лишь

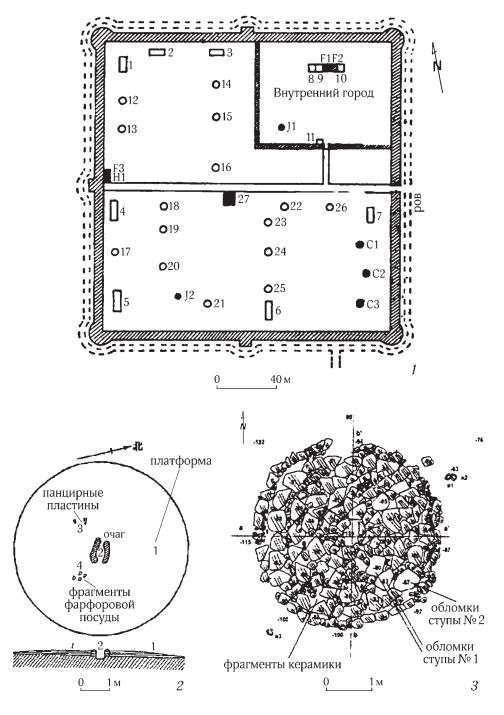

Рис. 4. 1 — городище-крепость № 2 со следами юрт или шатров у пограничного вала Цзинь в районе угольного бассейна Холинь, провинция Цзилинь [29]; 2 — план и разрез остатков юрты или шатра С1 на городище-крепости № 2 в угольном бассейне Холинь [29]; 3 — план каменного основания юртообразного жилища на Константиновском городище, Приморский край, Октябрьский район [16]

следы очагов в центральной части. Исследователи полагают, что это остатки переносных жилищ — шатров или юрт [29, с. 162, 163] (рис. 4: 1, 2). Во внутреннем городе Константиновского городища (Приморский край, Октябрьский район), датируемого временем цзинь-восточного Ся, было выявлено пять круглых каменных площадок диаметром 4-4,5 м [16, с. 343] (рис. 4: 3). Исследователи полагают, что это фундаменты для юртообразных жилищ [16, с. 348]. Их изображение встречено на чжурчжэньском сосуде из Шайгинского городища (Приморский край, Партизанский район) [4, с. 125—126]. Очевидно, что у чжурчжэней, которые со времён своих предков мохэ имели стационарные жилые постройки, переносные же появились благодаря соседству с кочевниками. У киданей юрта и шатёр были основными типами жилищ. Так, круглые основания строений зафиксированы на городище Байтацзы [15, с. 73]. На киданьских городищах довольно часто встречаются участки без следов построек, где, вероятно, и располагались юрты. Например, большие пустые пространства выявлены во Внутреннем городе Средней столицы, на городищах Эмгэнтийн-хэрэм, Баруун-хэрэм, Барс-хот-1, Харбухын их шоорон-хэрэм [15, с. 72] (рис. 3: 3, 4). Наряду с другими реалиями кочевого образа жизни киданей переносные типы жилищ нашли своё отражение как в письменных источниках, так и в ляоском искусстве, прежде всего в живописи из погребений [8, с. 95-105; 31]. Конечно, наличие следов юрт на западной границе Цзинь можно объяснить нахождением в составе пограничных крепостей покорённых чжурчжэнями киданей, которые продолжали использовать своё традиционное жилище. Однако наличие следов юрт на чжурчжэньских памятниках Приморья свидетельствует в пользу заимствования этого вида жилища чжурчжэнями.

Определённое воздействие киданьской культуры можно увидеть в отдельных архитектурных декоративных элементах, которыми чжурчжэни украшали крыши административных и культовых построек. Прежде всего это относится к концевым дискам кровельной черепицы. В своё время Э.В. Шавкунов отмечал, что для цзиньской эпохи характерно украшение их антропоморфными личинами. Сама традиция восходит, вероятно, к эпохе Шести династий в Китае (III — конец VI в.), но её проникновению в культуру чжурчжэней могли поспособствовать именно кидани [22, с. 62; 23, с. 126]. Обращает на себя внимание практически полная аналогия некоторых чжурчжэньских типов дисков киданьским. В частности, диски из Западно-Уссурийского городища (а также диски из Суйфунского памятника, найденные на юге г. Уссурийска в районе Сахарного завода) являются фактически полной аналогией концевым дискам кровельной черепицы городища Чинтолгой-Балгас [13, с. 157] (рис. 5: 1, 2).

В ранний период Цзинь встречаются диски со стилизованными изображениями, восходящими к образу цветка лотоса. И здесь мы тоже можем отметить, что определённые геометрические элементы, которые есть на дисках из чжурчжэньских городищ — Кэдун (центр губернии

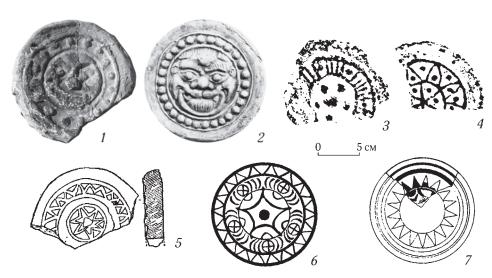

Рис. 5. Концевые диски черепицы. 1 — Городище Чинтолгой-балгас (Ляо) [13, с. 1, 2, рис. 177]; 2 — Западно-Уссурийское городище (Цзинь) [22, с. 225, табл. 6: 1]; 3, 4 — из мавзолея Елюя Абаоцзи (Ляо) [34]; 5 — Концевой диск черепицы городища Кэдун, Цзинь [по: 12]; 6, 7 — Концевые диски черепицы Майского городища, Цзинь, XII в. [по: 12]

Пуюйлу) [33], Майском городище (Приморский край, Ханкайский район) [12], обнаруживаются и у киданей, причём черепица происходит из объектов, обладающих довольно высоким статусом — мавзолея первого императора Ляо Елюя Абаоцзи в Линьдуне и городища Верхней столицы Ляо [34] (рис. 5: 3-7).

Такие архитектурные украшения кровли, как головы драконов и фигуры фениксов, не являются уникальными для дальневосточных культур, особенно если учитывать их символическую нагрузку. Но в случае с многочисленными фрагментами и обломками этих изделий, обнаруженных во время раскопок Внутреннего города Николаевского городища (Приморский край, Партизанский район) [24], обращает на себя внимание их стилистическое сходство с подобными украшениями, найденными на ляоском городище Байтацзы (Цинчжоу) при исследовании Белой пагоды (представлены в экспозиции выставки на городище).

Таким образом, киданьское влияние на чжурчжэней отмечается как в градостроении, так и в архитектуре культовых сооружений и в домостроительстве.

ВООРУЖЕНИЕ

Военное давление Ляо на чжурчжэней вело к совершенствованию и укрупнению военной организации последних, вынуждало их приобретать лучшее по тем временам киданьское или эквивалентное ему вооружение. Чжурчжэни при всяком удобном случае стремились захватить побольше киданьского оружия и лат. Так было, когда они во главе

с Ингэ разгромили ляоского мятежника Сяо Хайли (по «Циданьго чжи» — Сяо Сели) и взяли в качестве трофеев 500 комплектов доспехов [9, с. 11]. В дальнейшем чжурчжэни использовали их при взятии города Нинцзянчжоу, а в ходе непрерывных победных сражений добыли ещё больше оружия и лат [2, с. 79]. На значимость киданьского вооружения для формирования традиций чжурчжэньского защитного комплекса указывает исследователь чжурчжэньского вооружения С.Д. Прокопец, который в предложенной им классификации панцирных пластин выделил три типа. При этом, по мнению исследователя, если тип I разработан самими чжурчжэнями, то тип II был известен и в более раннее время. Он использовался преимущественно в догосударственный период и на ранних этапах существования государства Цзинь и, скорее всего, попал к чжурчжэням от киданей [18, с. 19]. Обнаруженные при раскопках киданьского городища Чинтолгой-балгас панцирные пластины позволяют согласиться с таким выводом [13, с. 142—144].

Преемственность наблюдается и в оружии. Так, найденные на Шайгинском городище первой трети XIII в. в Приморье меч-кончар и палаш [21] аналогичны тем, что изображены в руках духов-охранителей на стене склепа в киданьской могиле $\mathbb{N}$ 1 в хошуне Хурэ-Ци аймака Джирэм, датируемой 1080 г. [36] (рис. 6: 1, 2).

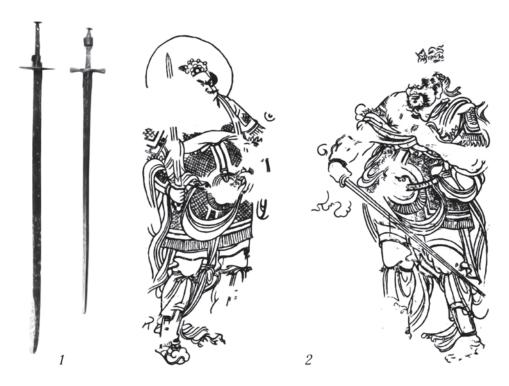

Рис. 6. 1 — мечи из Шайгинского городища, Приморский край [21, с. 162—163]; 2 — изображения духов-охранителей из киданьской могилы № 1 в Хурэ-Ци аймака Джирем [36]

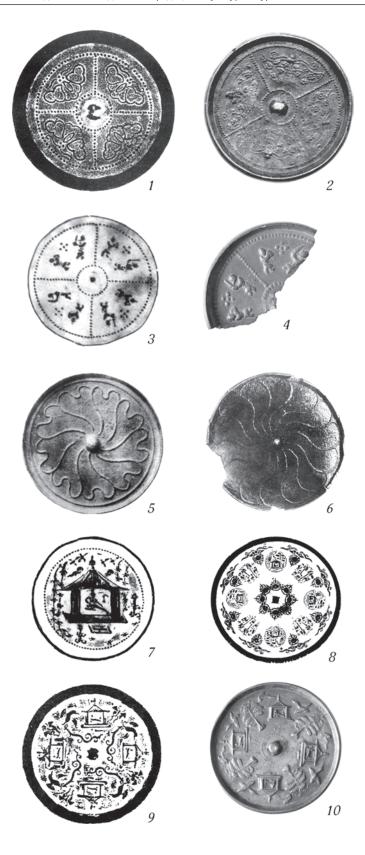
ЗЕРКАЛА

Цзиньские зеркала, как отмечают исследователи, унаследовали такие особенности зеркал позднего периода Ляо, как толщина и вес, крупная петелька-держатель, грубость декора [27, с. 27]. Проведённый нами сравнительный анализ изображений на ляоских и цзиньских зеркалах показал наличие нескольких их категорий.

К первой относятся изделия с одинаковыми сюжетами, но выполненные в разной технике и стиле и имеющие разную иконографию. Это является следствием универсальности многих сюжетов, и вряд ли здесь стоит говорить о заимствовании у киданей или их влиянии на культуру чжурчжэней. Ко второй группе относятся цзиньские зеркала, не имеющие аналогий в ляоском искусстве. Эти изделия вполне могут являться маркерами чжурчжэньской культуры. И, наконец, есть ещё одна категория зеркал: их форма, детали оформления и декор полностью или частично копируют киданьские. Эта группа и является предметом нашего внимания в данной работе.

Те цзиньские зеркала, которые являются полными аналогиями киданьских и по декору, и по форме, и по качеству всех элементов, вероятнее всего, были отлиты киданями и продолжили своё хождение в цзиньское время. В пользу этого предположения говорит и то, что подобные зеркала нечасто встречаются на цзиньских памятниках, но довольно типичны для киданьских. Ярким примером является изделие с сюжетом типа «фэньхуа» (с делённым на части орнаментом) с изображением бабочек. Такое зеркало, обнаруженное на территории Ананьевского городища, является полной аналогией ляоскому образцу (рис. 7: 1, 2). Об использовании зеркала чжурчжэнями свидетельствует нанесённая на торцовую часть бортика цзиньская регистрационная надпись. Не вызывает сомнений в своём киданьском происхождении фрагмент зеркала с изображением играющих людей, обнаруженный на территории Приморского края, и зеркало с декором в виде лотосового листа, найденное в с. Дмитриевка (Приморский край). Они имеют полные аналогии среди ляоских зеркал [1, с. 352-353] (рис. 7: 3-6).

Рис. 7. 1 — зеркало эпохи Ляо из музея провинции Ляонин [27, с. 101]; 2 — зеркало эпохи Цзинь (Вост. Ся), Ананьевское городище, Приморский край [20]; 3 — зеркало эпохи Ляо, городище Шитоучэнцзы провинции Цзилинь [27, с. 140, рис. 152]; 4 — зеркало из Приморского края; 5 — зеркало эпохи Ляо (Внутренняя Монголия) [27, с. 158, рис. 180]; 6 — зеркало эпохи Цзинь, Приморский край, с. Дмитриевка; 7 — зеркало эпохи Ляо, г. Чжанцзякоу провинции Хэбэй [27, с. 81, рис. 68]; 8 — зеркало из клада ляоской эпохи в деревне Синьдицунь, Внутренняя Монголия [27, с. 80, рис. 66]; 9 — зеркало эпохи Цзинь, городище Верхней столицы, Ачэн, провинция Хэйлунцзян [26, с. 47]; 10 — зеркало эпохи Цзинь (Вост. Ся), Ананьевское городище Приморского края [20, с. 224; 23, с. 88]

Помимо полных аналогов киданьским, среди бронзовых зеркал цзиньского времени есть такие, которые очень похожи на зеркала эпохи Ляо. В их оформлении использованы характерные для киданей сюжеты, но в другой композиции. Речь идёт о зеркалах с изображением играющего на цине человека в беседке [1, с. 351-352] (рис. 7: 7-10). Нельзя однозначно ответить на вопрос, являются ли эти зеркала киданьскими по происхождению или чжурчжэни использовали заимствованный образ при отливке собственных изделий. Но, вероятно, именно благодаря киданям данный сюжет появился в изобразительном искусстве населения империи Цзинь.

Таким образом, чжурчжэни продолжали использовать киданьские зеркала или копировали их (полностью или частично) при изготовлении своих, но явно предпочтение отдавали далеко не всем видам декора, известным в Ляо, а лишь тем, которые находили отражение в их мировоззрении или соответствовали их эстетическим представлениям.

ПОЯСНЫЕ БРЕЛОКИ

В декоративно-прикладном искусстве чжурчжэней распространённой категорией украшений являются подвески-брелоки, чаще всего вырезанные из камня. Вопрос, откуда у представителей этого племени появляются подобного рода изделия, остаётся открытым. Но то, что некоторые фигурки обнаруживают стилистическое и иконографическое сходство с киданьскими, не вызывает сомнения и позволяет нам высказать предположение о влиянии ляоской камнерезной традиции на цзиньских мастеров или заимствовании готовых изделий. Так, объёмная фигурка из белого кварца в виде спящего лебедя, найденная на Шайгинском городище, является практически полной аналогией фигурки эпохи Ляо, обнаруженной в реликварии Северной пагоды в Чаояне провинции Ляонин [37, с. 47] (рис. 8: 1, 2).

Парные фигурки птиц — лебедей, уток-мандаринок «с переплетающимися шеями» — ещё один сюжет, который мы можем встретить как в ляоском искусстве, так и в чжурчжэньском (рис. 8: 3, 4). При этом снова удивляет стилистическое сходство изделий. Например, нефритовые и янтарные подвески в виде пары лебедей, положивших головы друг другу на спины, из могилы киданьской принцессы Чэньго и её мужа (могила обнаружена в хошуне Найман-Ци аймака Джирэм автономного района Внутренняя Монголия) [28, с. 80—81, 100—101]. Подвески выполнены в тех же иконографии и стиле, что и каменные (и костяные) брелоки из чжурчжэньских памятников — Шайгинского городища в Приморском крае и цзиньской могилы Синьсянфан в Харбине [22, с. 144; 37, с. 46]. Следует отметить, что отверстия на ляоских изделиях расположены либо вертикально, либо горизонтально относительно плоскости поверхности, в то

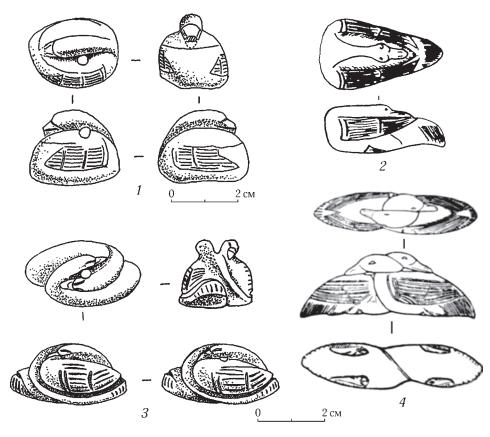

Рис. 8. 1 — фигурка лебедя из Шайгинского городища, Приморский край; 2 — фигурка лебедя эпохи Ляо, обнаруженная в реликварии Северной пагоды Чаояна провинции Ляонин [37]; 3 — изображение двух лебедей из Шайгинского городища, Приморский край; 4 — изображение двух лебедей из могилы киданьской принцессы Чэньго, хошун Найман-Ци аймака Джирэм автономного района Внутренняя Монголия [28, с. 81, рис. 49: 6]

время как чжурчжэньские брелоки снабжены только вертикальными прорезями. Обычай носить при себе на поясе благопожелательные украшения был распространён у северных соседей тогдашнего населения Китая [37, с. 47]. Вероятнее всего, чжурчжэни переняли традицию ношения миниатюрных брелоков от киданей, у которых ко времени образования Цзинь она уже широко бытовала. Нефритовые подвески в виде рыб, фениксов, драконов часто встречаются в комплексах подвесок эпохи Ляо.

Нефритовые изображения лебедей, рыб, цветов лотоса и водяной лилии также называют «нефритами весенних вод и осенних гор» и связывают с традициями весенних и осенних набо. Набо — это сезонные кочевые лагеря киданьских императоров [19, с. 107, 108]. В ляоское время, помимо всего прочего, охота служила развлечением императора и киданьской знати. Весной император выезжал на озеро, образуемое рекой Яцзыхэ, чтобы ловить рыбу и бить лебедей. По случаю убийства первого

лебедя устраивался праздник [19, с. 110, 111]. Вероятно, именно благодаря ляоским обычаям в эпоху Цзинь часто встречаются изображения лебедей из нефрита [37, с. 47]. То, что в Цзинь были хорошо знакомы с традициями μ и деревни Шуанчэнцунь города Ачэн провинции Хэйлунцзян были обнаружены отлитые из бронзы фигурки лебедей, которых атакуют соколы [38, с. 37, рис. 5: 1-3]. Кстати, в охоте на лебедей у правителей Ляо использовались «серые соколы из восточных приморских земель» — μ хайдунцинху, которых должны были поставлять чжурчжэни.

Можно было бы предположить, что чжурчжэни пользовались брелоками, изготовленными ещё в Ляо. Но массовые находки таких предметов на городищах Восточного Ся, отстоящего от Ляо на более чем 100 лет, свидетельствуют в пользу того, что это изделия империи Цзинь и делались они в соответствии со вкусами чжурчжэней.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ археологических данных позволяет нам пойти дальше сведений письменных источников и выяснить не затронутые ими области чжурчжэньской культуры, в которых также нашли отражение реалии ляоской жизни.

Разная степень представительности различных аспектов археологического материала, известного к настоящему времени, часто не позволяет сделать точные выводы, имеем ли мы в том или ином случае вещи Ляо, которые продолжали использовать чжурчжэни, или предметы, сделанные под ляоским влиянием. Задача данной работы — обратить внимание на параллели между культурами Ляо и Цзинь, т.е. киданьской и чжурчжэньской.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о большом влиянии культуры киданей на чжурчжэней и их империю. Причинами этого могут быть значительная преемственность государственной традиции, так как чжурчжэни сами вышли из подчинённых Ляо окраин империи, совпадение в большой мере территории и её населения, бывшего как в Ляо, так и впоследствии в Цзинь (кидани, ханьцы, бывшие бохайцы и др.).

Конечно, цзиньская культура не ограничивалась заимствованиями в Ляо. Чжурчжэни адаптировали их к своим нуждам и шли дальше, совершенствовали приобретённое, зачастую формируя своё. В различных аспектах их культуры появилось много нового, развитого ими самими. Но даже на последних этапах существования государственности чжурчжэней, в период Восточного Ся, у них сохраняются элементы ляоской культуры. В свою очередь, культура Цзинь в целом, и чжурчжэней в частности, оказала большое влияние на формирование культуры нового государства кочевников — Монгольской империи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- 1. Асташенкова Е.В., Ивлиев А.Л. Ляоские аналогии средневековых бронзовых зеркал из Приморья // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, 7—8 апреля 2015 г. / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 347—360.
- 2. Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М.: Наука, 1975. 447 с.
- 3. Воробьёв М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. 1234 г.). М.: Наука, 1983. 367 с.
- 4. Гусева Л.Н. О сюжетных рисунках на керамике чжурчжэней Приморья // Пластика и рисунки древних культур (первобытное искусство). Новосибирск: Наука, 1983. С. 122—130.
- 5. Дун Синьлинь. Новейшие результаты археологических раскопок остатков Царского города Верхней столицы Ляо в последние годы // Доклад на XVI сессии археологов Дальнего Востока 13 апреля 2015 года (сборник докладов сессии находится в печати).
- 6. Дьякова О.В., Ивлиев А.Л. О происхождении дольчатого декора в средневековых культурах Дальнего Востока СССР // Рериховские чтения 1984 года. Новосибирск, 1986. С. 250—256.
- 7. Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока России и смежных территорий. Владивосток, 1983. С. 120—133.
- 8. Ивлиев А.Л. Жилища киданей // Дальний Восток и Центральная Азия. М.: Наука, 1985. С. 95—105.
- 9. Ивлиев А.Л. Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988. С. 6—15.
- 10. Ивлиев А.Л. Киданьская керамика // Древний и средневековый Восток. Ч. І. М.: Наука, 1985. С. 100—125, 110—111.
- 11. Ивлиев А.Л. Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестник ДВО РАН. 1997. № 1 (71). С. 53—60.
- 12. Ивлиев А.Л. Черепица Майского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 108—119.
- 13. Киданьский город Чинтолгой-балгас / отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература, 2011. 173 с.
- 14. Крадин Н.Н. Тюркские руны и время образования Бохайского государства // Articles on old Choson, Koguryo and Parhae. Сеул: Koguryo Research Foundation, 2004. С. 623—632.
- 15. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо / ИИАЭ ДВО РАН. М.: Наука, 2014. 351 с.
- 16. Никитин Ю.Г. Средневековое юртообразное жилище в Приморском крае // Материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока: материалы 3-й междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» / отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во гос. пед. ун-та, 2003. С. 341—349.
- 17. Очир А., Данилов С.В., Зрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага, судалгаа = Раскопки и исследование древнего погребения кочевников в кургане. Улан-Батор, 2013. 164 с.
- 18. Прокопец С.Д. Защитное вооружение чжурчжэней государства Восточное Ся (1215—1233 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 21 с.

- 19. Таскин В.С. Походные лагеря киданьских императоров // Китай: общество и государство. М.: Наука, 1973. С. 101-115.
- 20. Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука, 2012. 340 с.
- 21. Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII—XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 184 с.
- 22. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
- 23. Шавкунов Э.В. О сакральной сущности декора концевых дисков средневековой черепицы Приморья // Древнее искусство тихоокеанских культур. Владивосток: ДВО РАН, 1996. С. 121—130.
- 24. Шавкунов Э.В. Раскопки на Николаевском городище (1960—1962 гг.) // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1966. Вып. 2: Сибирский археологический сборник. С. 286—296.
- 25. Шавкунов Э.В., Конькова Л.В., Хорев В.А. Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 80—95.
- 26. 王春雷. 金上京博物馆藏宋金人物纹饰铜镜 // 北方文物. 2003年第1期. 45-47页 = Ван Чуньлэй. Сунские и цзиньские бронзовые зеркала с декором с изображениями людей, хранящиеся в Музее Верхней столицы Цзинь // Бэйфан вэньу (Древности севера). 2003. № 1. С. 45—47.
- 27. 刘淑娟. 辽代铜镜研究. 沈阳: 沈阳出版社, 1997年 = Лю Шуцзюань. Исследование бронзовых зеркал эпохи Ляо. Шэньян: Шэньянское изд-во, 1997. 195 с.
- 28. 辽陈国公主墓 / 内蒙古自治区文物考古研究所, 哲里木盟博物馆. 北京: 文物出版社, 1993 = Могила ляоской принцессы Чэнь-го / Институт культурных ценностей и археологии автономного района Внутренняя Монголия, Музей аймака Джирэм. Пекин: издательство Вэньу, 1993. 195 с.
- 29. 内蒙古霍林河矿区金代界壕边堡发掘报告/ 哲里木盟博物馆 // 考古. 1984年第2期. 157-174 页 = Отчёт о раскопках крепостей на пограничном валу эпохи Цзинь в угольном бассейне Холиньхэ Внутренней Монголии) / Музей аймака Джирэм // Каогу (Археология). 1984. № 2. С. 157—174.
- 30. 白石典之. ヘルレン河流域における遼 (契丹) 時代の城郭遺跡 // 遼金西夏研究の現在 (1). 東京: 東京外国語大学 アジア・アフリカ 言語文化研究所、2008. = Сираиси Нориюки. Остатки крепостей периода Ляо (киданей) в долине реки Керулен) // Рё кин сэйка кэнкю-но гэндзай (Сегодняшний день в исследованиях Ляо, Цзинь и Си Ся) (1). Токио: Токийский университет иностранных языков. Научноисследовательский институт языков и культур Азии и Африки, 2008. С. 1—21.
- 31. 項春松. 辽宁昭乌达地区发现的辽墓绘画资料 // 文物. 1979年第6期. 22-32页 = Сян Чуньсун. Материалы по живописи из ляоских могил, обнаруженных в районе Джу-Уд Ляонина // Вэньу (Культурные ценности). 1979. № 6. С. 22—32.
- 32. 吉林省志 卷四十三 文物志. 长春: 吉林人民出版社, 1991 = Описание провинции Цзилинь. Т. 43. Описание памятников истории и культуры. Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1991. 382 с.
- 33. 张泰湘, 景爱. 黑龙江克东县金代蒲峪路故城发掘 // 考古. 1987年 第2期. 150-158页 = Чжан Тайсян, Цзин Ай. Раскопки городища центра губернии Пуюйлу эпохи Цзинь в уезде Кэдун Хэйлунцзяна // Каогу (Археология). 1987. № 2. С. 150—158.
- 34. 洲杰. 内蒙古昭盟辽太祖陵调查散记 // 考古. 1966年第5期. 263-266页 = Чжоу Цзе. Отдельные записи об обследовании мавзолея ляоского Тай-цзу в аймаке Джу-Уд Внутренней Монголии // Каогу (Археология). 1966. № 5. С. 263—266.
- 35. 朱国忱. 金源故都. 哈尔滨: 北方文物杂志社编辑出版, 1991年. = Чжу Гочэнь. Древняя столица Золотого истока. Харбин: изд-во редакции журнала «Бэйфан вэньу», 1991. 320 с.

- 36. 陈相伟, 王健群. 吉林哲里木盟库伦旗一号辽墓发掘简报 // 文物. 1973年 第8期. 2-18页 = Чэнь Сянвэй, Ван Цзяньцюнь. Краткий отчёт о раскопках ляоской могилы № 1 в хошуне Хурэ-Ци аймака Джирэм провинции Цзилинь // Вэньу (Культурные ценности). 1973. № 8. С. 2—18.
- 37. 扬海鹏. 俄罗斯沙伊金古城出土的金代玉石器 // 北方文物. 2005年 第4期. 44-49页 = Ян Хайпэн. Нефритовые изделия эпохи Цзинь, найденные на Шайгинском городище в России // Бэйфан вэньу (Древности севера). 2005. № 4. С. 44—49.
- 38. 阎景全. 黑龙江阿城市双城村金墓群出土文物整理报告 // 北方文物. 1990年 第2期. 28-41页 = Янь Цзинцюань. Отчёт о систематизации предметов, найденных на цзиньском могильнике в деревне Шуанчэнцунь города Ачэн провинции Хэйлунцзян // Бэйфан вэньу (Древности севера). 1990. № 2. С. 28—41.

REFERENCES

- 1. Astashenkova E.V., Ivliev A.L. *Liaoskiye analogii srednevekovyh bronzovyh zerkal iz Primorya* [Liao analogies of medieval bronze mirrors from Primorye]. *Aktual'nye voprosy arheologii i etnologii Tsentral'noi Azii: Materialy mezhdunarodnoi naucnoi konferentsii, Ulan-Ude, 7—8 aprelia 2015 goda* [Current issues in archaeology and ethnology of Central Asia: Proceedings of the international scientific conference, Ulan-Ude, 7—8 April 2015] / Ed. by B.V. Bazarov. Irkutsk, Ottisk Publ., 2015, pp. 347—360. (In Russ.)
- 2. Vorobyov M.V. *Chzurzheni i gosudarstvo jin* [The Jurchens and the Jin state]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 447 p. (In Russ.)
- 3. Vorobyov M.V. *Kul'tura chzurzhenei i gosudarstva jin X v. 1234 g.* [The Jurchen culture and the Jin state (10th century 1234)]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 367 p. (In Russ.)
- 4. Guseva L.N. *O siujetnyh risunkah na keramike chzurzhenei Primorya* [Narrative drawings on ceramics of the Jurchens in Primorye // Plastic arts and drawings of the ancient cultures (Primitive art)]. *Plastika i risunki drevnih kul'tur (Pervobytnoe iskusstvo)* [Plastic art and drawings of the ancient cultures (Primeval art)]. Novosibirsk, Nauka Publ.,1983, pp. 122–130.(In Russ.)
- 5. Dong Xinlin. *Noveishie rezul'taty arheologicheskih raskopok ostatkov Tzarskogo goroda Verhnei stolitsy Liao v poslednie gody* [Latest results of archaeological excavations of the remains of the Tsar city of the Superior capital of Liao in its last years]. A report on 16th session of archaeologists of the Far East on 13 of April 2015. (The collection of reports of the session is in press) (In Chin.)
- 6. Dyakova O.V., Ivliev A.L. *O proishozhdenii dol'chatogo dekora v srednevekovyh kul'turah Dal'nego Vostoka SSSR* [The origin of lobulose decor in medieval cultures of the Far East of the USSR]. *Rerihovskiye chteniya 1984 goda* [Roerich's readings 1984]. Novosibirsk, 1983, pp. 250—256. (In Russ.)
- 7. Ivliev A.L. *Gorodishcha kidanei* [Kitans' walled towns]. *Materialy po drevnei i srednevekovoi arheologii yuga Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnyh territoriy* [Materials on ancient and medieval archaeology of south of Russian Far East and adjacent territories]. Vladivostok, 1983, pp. 120—133. (In Russ.)
- 8. Ivliev A.L. Zhilishcha kidanei [Ancient settlements of the Kitans]. *Dal'niy Vostok i Tsentral'naya Aziya* [Far East and Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 95—105. (In Russ.)
- 9. Ivliev A.L. Kidani i naseleniye Vostochnoi Manzhurii i Primorya v sredniye veka (k probleme kontaktov) [The Kitans and population of East Manchuria and Primorye

- in the Middle Ages (the problem of contacts)]. *Materialy po etnokul'turnym sviaziam narodov Dal'nego Vostoka v sredniye veka* [Materials on ethnical and cultural relations of peoples of the Far East in Medieval Epoch]. Vladivostok, 1988, pp. 6—15. (In Russ.)
- 10. Ivliev A.L. Kidan'skaya keranika [Kitan's pottery]. *Drevnii i srednevekovyi Vostok* [Ancient and medieval East]. Part I. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 100—125. (In Russ.)
- 11. Ivliev A.L. Mezhetnicheskiye kontakty v sredniye veka na vostoke Azii [Interethnic contacts in the Middle Ages in the east of Asia]. *Vestnik DVO RAN*, 1997, no. 1 (71), pp. 53—60. (In Russ.)
- 12. Ivliev A.L. Cherepitsa Maiskogo gorodishcha [The tile of the Maiskoye ancient town]. Voprosy arheologii Dal'nego Vostoka [Archaeological problems of the Far East]. Vladivostok, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1987, pp. 108—119. (In Russ.)
- 13. *Kidanskiy gorod Chintolgoi-balgas* [The Kidan city Chintolgoy-balgas] / Ed. by N.N. Kradin. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2011, 173 p. (In Russ.)
- 14. Kradin N.N. Tiurkskiye runy i vremia obrazovaniya bohaiskogo gosudarstva [Turkic runes and the formation of the Bohai state]. *Articles on old Choson, Koguryo and Parhae*. Seoul, Koguryo Research Foundation Publ., 2004, pp. 623—632. (In Russ.)
- 15. Kradin N.N., Ivliev A.L. *Istoriya kidan'skoi imperii Liao* [The history of the Liao empire] / IHAE FEBRAS. Moscow, Nauka Publ., 2014, 351 p. (In Russ.)
- 16. Nikitin Yu.G. Srednevekovoe yurtoobraznoe zhilishche v Primorskom kraye [Medieval yurta-shaped dwelling in Primorski Territory]. Materialy XI sessii arheologov i antropolov Dal'nego Vostoka: materialy 3-ei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Rossia i Kitai na dal'nevostochnyh rubezhah" [Proceedings of the 11th session of archaeologists and anthropologists of the Far East: proceedings of the third international scientific conference "Russia and China in the Far East boundaries"] / Ed. by D.P. Bolotin, A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk, State Pedagogical University Publ., 2003, pp. 341—349. (In Russ.)
- 17. Ochir A., Danilov S.V., Erdenebold L., Tserendorj Ts. *Ertniy nuudelchdiyn bunhant bulshny maltlaga sudalgaa* [Excavation and research of the ancient burial of nomads in the barrow]. Ulaanbaatar, 2013, 164 p. (In Mongolian)
- 18. Prokopets S.D. *Zashchitnoye vooruzheniye zhurzhenei gosudarstva Vostochnoye Sia* (1215—1233 gg.). Dis. kand. Ist. nauk [Protective armour of the Jurchens of the Eastern Xia state (1215—1233). Author's abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Vladivostok, 2012, 21 p. (In Russ.)
- 19. Taskin V.S. Pohodnye lageria kidan'skih imperatorov [Campings of the Kidan emperors]. *Kitai: obshchestvo i gosudarstvo* [China: society and state]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 101—115. (In Russ.)
- 20. Khorev V.A. Ananyevskoye gorodishche [Ananyevskoye site of ancient settlement]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2012, 340 p. (In Russ.)
- 21. Shavkunov V.E. *Vooruzheniye zhurzhenei XII—XIII vv.* [The Jurchen armament in the 12—13th centuries]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1993, 184 p. (In Russ.)
- 22. Shavkunov E.V. Kul'tura zhurzhenei-udige XII—XIII vv. i problema proishozhdeniya tungusskih narodov Dal'nego Vostoka [The Jurchen and Udege culture in the 12—13th centuries and the origin of the Tungus people of the Far East]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 282 p. (In Russ.)
- 23. Shavkunov E.V. O sakral'noi sushchnosti dekora kontsevyh diskov srednevekovoi cherepitsy Primorya [A sacral nature of the decor of the end discs of the medieval tile in Primorye]. *Drevneye iskusstvo tihookeanskih kul'tur* [Ancient art of Pacific cultures]. Vladivostok, FEB RAS Publ., 1996, pp. 212—130. (In Russ.)

- 24. Shavkunov E.V. Raskopki na Nikolayevskom gorodishche (1960—1962 gg.) [Excavations of the Nikolayevskoye ancient site (1960—1962)]. *Materialy po istorii Sibiri. Drevniaya Sibir'* [Materials on history of Siberia. Ancient Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1966, issue 2, Sibirskii arheologicheskii sbornik [Siberian archaeological collection], pp. 286—296. (In Russ.)
- 25. Shavkunov E.V., Kon'kova L.V., Khorev V.A. Bronzovyye zerkala Ananyevskogo gorodishcha [Bronze mirrors of Ananyevskoye ancient town]. *Voprosy arheologii Dal' nego Vostoka SSSR* [Archaeological problems of the Far East of the USSR]. Vladivostok, FEB AS of the USSR Publ., 1987, pp. 80—95. (In Russ.)
- 26. 王春雷. 金上京博物馆藏宋金人物纹饰铜镜Wang Chunlei. [Song and Jin bronze mirrors with images of people which are kept in the Museum of the Superior capital of Jin]. 北方文物 [Northern Cultural Relics], 2003, no. 1, pp. 45—47. (In Chin.)
- 27. 刘淑娟. 辽代铜镜研究Liu Shujuan. [Study of bronze mirrors of Liao epoch]. Shenyang: Shenyang Publ., 1997, 195 p. (In Chin.)
- 28. 辽陈国公主墓[The tomb of the Liao princess Chenguo] / Institute of cultural values and archaeology of the autonomous region Inner Mongolia, Museum of the Jirem League. Beijing: Wenwu Publ., 1993, 195 p. (In Chin.)
- 29. 内蒙古霍林河矿区金代界壕边堡发掘报告/ 哲里木盟博物馆 [A report about excavations of fortresses on the frontier bank of the Jin epoch in the coal field of Huolinhe in Inner Mongolia] / The Museum of Zhelimu meng, Inner Mongolia. 考古 [Archaeology], 1984, no. 2, pp. 157—174. (In Chin.)
- 30. 白石典之. ヘルレン河流域における遼(契丹)時代の城郭遺跡Shiraishi Norioki. [Remains of the fortresses of the Liao period (Kidans) in the Kherlen river valley]. 遼金西夏研究の現在 (1) [Current research of Liao, Jin and Xi Xia]. I. Tokyo, Tokyo University of foreign languages. Scientific research Institute of languages and cultures of Asia and Africa, 2008, pp. 1—21. (In Jap.)
- 31.項春松. 辽宁昭乌达地区发现的辽墓绘画资料Xiang Chunsong. [Materials about paintings of Liao tombs which were discovered in Ju Ud, Liaoning]. 文物, 1979, no. 6, pp. 22—32. (In Chin.)
- 32. 吉林省志 [The description of Jilin province]. 卷四十三 [Vol. 43]. 文物志. [The description of historical and cultural monuments]. Changchun, Jilinsheng renmin Publ., 1991, 382 p. (In Chin.)
- 33. 张泰湘, 景爱. 黑龙江克东县金代蒲峪路故城发掘Zhang Taixiang, Jing Ai. [Excavation of the city ruins in the Jin Puyu Road at Kedong, Heilongjiang]. 考古, 1987, no. 2, pp. 150—158. (In Chin.)
- 34. 洲杰. 内蒙古昭盟辽太祖陵调查散记Zhou Jie. [Notes on reconnaissance of the Mausoleum of Emperor Tai-zu of the Liao Dynasty at Zhaouda League, Inner Mongolia]. 考古, 1966, no. 5, pp. 263—266. (In Chin.)
- 35. 朱国忱. 金源故都Zhu Guochen. [The ancient capital of the Golden Source]. Haerbin, Beifang wenwu Publ., 1991, 320 p. (In Chin.)
- 36. 陈相伟, 王健群. 吉林哲里木盟库伦旗一号辽墓发掘简报Chen Xiangwei, Wang Jianqun. [A report about excavation of the Liao grave № 1 in Hure Banner in the Jirem League, Jilin province]. 文物 [Cultural Relics], 1973, no. 8, pp. 2—18. (In Chin.)
- 37. 扬海鹏. 俄罗斯沙伊金古城出土的金代玉石器Yang Haipeng. [Jade goods of the Jin epoch which were found in Shaygin ancient town in Russia]. 北方文物 [Northern Cultural Relics], 2005, no. 4, pp. 44—49. (In Chin.)
- 38. 阎景全. 黑龙江阿城市双城村金墓群出土文物整理报告Yan Jingquan. [A report on systematization of the objects which were found in the Jin burial in the village Shuanchentsun, Acheng district, Heilogjiang province]. 北方文物 [Northern Cultural Relics],1990, no. 2, pp. 28—41. (In Chin.)